

О КНИГАХ И ПУБЛИКАЦИЯХ

Л.Г.Истягин

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ

Первая мировая война: Современная историография / Сб. обзоров и реф. Отв. ред. В.П.Любин, М.М.Минц. – М: ИНИОН РАН, 2014. – 231 с.

Столетие Первой мировой войны ознаменовалось форменным бумом самой разнообразной печатной продукции на эту тему. Приятно, что среди откликов много дежурных – ожидать высокого качества от каждого из них не приходится. Но в некоторых случаях все же наличествуют серьезные прорывы в солидную историографию. Очень знаменательно, что почти все они так или иначе выходят на актуальные задачи мироутверждения. Так что, вопреки известному тезису, научные разработки иной раз выигрывают от «опрокинутости» в политику.

Сказанное в достаточной мере подтверждает содержание аналитического обзора нескольких десятков монографий, научных дискуссий, материалов обсуждений, конкретно – информационных и обобщающих работ историков Первой мировой войны из Германии, Англии, Италии, Польши, Австралии, России, Франции, США и других стран. Аналитическое обозрение проводилось группой научных сотрудников ИНИОН РАН под руководством известного специалиста по истории международных отношений, доктора исторических наук В.П.Любина.

Среди новых тенденций, привлечших к себе внимание составителей, в историографии вопроса находится и даже правомерно претендует на ключевое место модификация в трактовке самих истоков мирового силового противоборства. Если до недавних пор историки тяготели преимущественно к погружению в дальние предпосылки антагонистического столкновения (что характерно и для марксистского подхода с его всепоглощающей концепцией империализма), то в последнее время ученые больше всего тяготеют к аналитике событий и факторов, непосредственно предшествовавших всеобщему взрыву. Тут возникают, конечно, кое-какие утраты, но есть и ощутимые выигрыши. Прежде всего, их можно отнести к элементу субъективности и случайности, что прямо или косвенно прокладывает мосты к некоторым злополучным коллизиям и нашей современной мирополитической действительности.

Характерный пример, который в данном плане многое объясняет, связан с возвращением многих западных исследователей, прежде всего, немецких, к прошумевшей в 1960-1970-х гг. дискуссии вокруг труда «Рывок к мировому господству» немецкого историка Ф.Фишера (ФРГ). В книге Ф.Фишера развивалась и утверждалась точка зрения, согласно которой руководство

кайзеровской Германии несло главную ответственность за развязывание войны (с. 40-51). У Фишера тогда нашлись противники и, в разной степени, защитники традиционной германской линии на то или иное выгораживание поведения Берлина перед войной. Дебаты закончились победой Ф.Фишера: его концепция после всех нападок на нее (между прочим, даже со стороны тогдашнего федерального канцлера Л.Эрхарда) получила преобладающее признание и в науке, и в политической публицистике.

Теперь к акцептируемой в целом схеме предлагается комплекс существенных уточнений. Одно из них выражается в переинтерпретации роли Австро-Венгрии, непосредственно первой развязавшей цепь столкновений своей вооруженной агрессией против Сербии. Конечно, за этот brutальный акт Вены несет свою долю ответственности и ее более могущественный берлинский союзник, который вполне мог бы побудить младшего партнера к применению иных, более умеренных средств. Но австро-венгерское руководство и само располагало возможностями принять иное решение. Например, вместо развязывания войны, прибегнуть к разрыву дипломатических отношений, к торгово-экономическим санкциям (своим и коллег по военному блоку), к созыву международного конгресса наподобие Парижского 1856 г. после Крымской войны 1853–1855 гг., или Берлинского 1878 г., после русско-турецкой войны 1871–1878 гг. Этого было бы вполне достаточно в качестве ответа на выстрел террориста Гаврило Принципа. Вся полнота источников, имеющих в распоряжении современных историков, свидетельствует о том, что Берлин не стал бы препятствовать формированию более умеренной и взвешенной позиции своей союзницы, чем провоцирование мировой войны.

Дело тут, как справедливо и отмечается в работах реферируемых в сборнике историков, в другом, в более общей и широкой совокупности обстоятельств. Решающее из них – характер всей культуры мировой политики, международных (в то время в основном европейских) отношений.

В конце XIX – начале XX в. наблюдалось оживление антивоенных и антимилитаристских движений, привлечших к себе внимание главным образом либерально-публицистической и миротворческой, а также научной общественности (в основном правовой). Такое оживление связано, в частности, с созывом и проведением по инициативе правительства России двух Конференций мира в Гааге в 1898 г. и 1906 г. Но в целом мирная активность той поры оставалась сравнительно слабой. Непосредственно перед летним кризисом 1914 г. голоса пацифистов, как решения их форумов и выступления прессы были и вовсе едва различимыми на фоне сверхпатриотической и провоенной риторики (см. тексты из монографии англо-австрийского историка К.Кларка, с. 78-84).

Войну, как доказательно продемонстрировали составители издания на обширном и вполне представительном материале тогдашних СМИ, готовы были принять и одобрить не только правящие круги и группы (то, что теперь принято называть «элитами»), но и более широкие общественные слои, включая едва ли не все категории трудящихся, простых людей. Молодежь, охваченная пылом романтики (с очень большим опозданием осознав ошибочность), буквально рвалась в бой, жаждающая скорых побед и подвигов. При

этом довоенные предупреждения пацифистов о смертоносности таких новых видов вооружений, как химические отравляющие вещества, воздушные аппараты, подводные лодки, бездымные пороха и скорострельные артиллерийские системы сыграли скорее противоположную роль той, на которую были рассчитаны. В основном в массах вместо страха, которого ожидала пацифисты, они породили надежду на скорое окончание войны. Как отмечают историки, как в 1914 г., так и позднее, в большинстве воюющих стран ожидали, что война вот-вот прекратится (с. 113, 118, 173). А то, что она будет продолжаться еще очень долго, не вмещалось в сознание. Характерно, что на позициях, идеализирующих войну и милитаризм, оказалась в подавляющей своей массе и художественная культура сугубо интеллигентского профиля. Как показал, в частности, итальянский ученый М.Плувиано, такая тенденция была весьма характерна для литературного направления футуризма.

Как подчеркивают в большинстве своих работ современные историки, тем болезненней, на фоне повсеместного ожидания относительно скорого конца войны, были восприняты ее тяжелые социальные последствия. Помимо колоссальных военных потерь (около 10 млн. погибших только непосредственно на полях сражений), тяжелейшие проблемы были связаны с судьбами военно-пленных (около 8 млн. чел., в том числе свыше 3 млн. российских подданных), инфекционных больных (их оказалось едва ли не больше, чем убитых и раненных), дезертиров, беженцев, перемещенных войной лиц и иных обездоленных и голодающих. Составители сборника предпочитают не касаться несколько щекотливого вопроса о целесообразности выдвижения перед лицом таких фактов лозунга левых социалистов о «превращении империалистической войны в гражданскую». Но намек тут, как говорится, вполне хорошо просматривается. Правда, в сборнике представлена также тенденция комплексного, не только минусового влияния войны на социально-политические процессы Европы и мира (четче всего в отреферированных Л.С.Лыкошиной работах польского автора А.Хвальбы, с. 172–186). Так, например, в этих текстах утверждается, что «война способствовала ускорению демократизации» (с. 186), что она, несмотря на вызванные ею лишения и страдания, «внутренне укрепила народы, принявшие в ней участие» (с. 183). Но тезис этот, помимо того, что он недостаточно ясен (что значит «внутренне укрепила», как и кого?), еще и определенно сомнителен. В особенности в сочетании с упоминаемыми в других местах военными «мобилизационными» моделями и режимами (с. 65, 67, 152–156). Во всяком случае, косвенно и глухо затронутая тематика, несомненно, нуждалась бы в более полном и многоплановом раскрытии.

В целом же проект, предпринятый ученым коллективом (в основном, насколько можно понять, Отдела истории Центра научных информационных исследований ИНИОН) оказался весьма удачным пособием не только для нужд научных работников и педагогов, но и для более широких кругов заинтересованной публики, особенно из среды экспертов, политологов и социологов. Очень было бы желательно, чтобы данный коллектив продолжил работу над проектом, особенно по тем линиям и аспектам, которые оказались

наиболее актуальными в связи с дискуссионными поворотами современной академической аналитики.

—